

На правах рукописи

Ван Юй

ВАН ЮЙ

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российского университета дружбы народов»

Научный руководитель:

Шелемова Антонина Олеговна, доктор филологических наук, профессор

Научный консультант:

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН

Официальные оппоненты:

Пороль Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Андреева Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела древнеславянских литератур ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Защита состоится 17 декабря 2021 года в 15.00 на заседании диссертационного совета ПДС 0500.003 по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая д.10/2

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан 17 ноября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.003
кандидат филологического наук, доцент

А.Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Слово о полку Игореве» – древнерусское произведение, написанное в XII в., обнаруженное в конце XVIII в. и опубликованное в 1800 году. С тех пор и до наших дней древний текст вызывает научный интерес у ученых различных гуманитарных отраслей – филологов, историков, философов, культурологов и др., а также привлекает внимание поэтов, возбуждая творческую мысль. Вокруг «Слова» сформировалось отдельное научное направление, именуемое «слововедение».

«Слово о полку Игореве» преподносится и рассматривается как произведение-загадка, завораживающее множеством тайн, вдохновляющих на их разгадку. Неизвестно имя автора, время написания произведения. Одна из загадок – вопрос об аутентичности текста. Был ли создатель «Слова» современником изображаемых событий или древнерусский стиль сымитирован кем-то гораздо позже – проблема, активно обсуждаемая современными слововедами, как учеными-медиевистами, так и непрофессионалами, увлеченными «загадкой *Слова*». Все они стремятся дать ответ на вопрос: в чем художественный феномен «Слова о полку Игореве»?

Безусловно, несомненны достижения исторической и филологической мысли российских ученых в исследовании «Слова о полку Игореве». Богатейшее научное наследие, накопленное за более двух веков после открытия и опубликования «Слова», является тем фундаментом, на котором базируется современное слововедение. Медиевисты ставят перед собой задачу объяснить удивительный жанрово-языковой синкретизм «Слова о полку Игореве». В этой ситуации актуализируется изучение древнего памятника с точки зрения его художественного дискурса, мифопоэтики, символической изобразительности. Еще одно актуальное направление изучения «Слова» – исследование памятника в сравнительно-типологическом и интертекстуальном аспектах.

Степень разработанности темы. В 2012 г. вышла книга А.М. Ранчина «Путеводитель по “Слову о полку Игореве”», в которой представлен обзор многочисленных современных литературоведческих исследований уникального памятника древнерусской средневековой книжности. Тематические рубрики этого «Путеводителя» включают рассмотрение опубликованных наиболее значительных научных работ по отдельным проблемам: о жанровой природе произведения, об отражении истории в «Слове», о неясных («темных») местах, о соотношении языческих и христианских элементов в тексте. «Путеводитель» как бы подытоживает научные достижения изучения «Слова о полку Игореве» в современной российской медиевистике. Но работы об исследовании поэтики «Слова», художественной изобразительности, символической образности уникального текста автор «Путеводителя» в свой обзор не включил, что доказывает редкое обращение медиевистов к этому аспекту филологического исследования.

Действительно, собственно поэтика «Слова о полку Игореве», рассмотрение символики, тропики и, в целом, художественной системы памятника, российскими учеными исследовалась довольно редко. Направление

для изучения художественной стороны текста было намечено в книге Д.С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы». Целостному рассмотрению собственно поэтики древнерусского памятника посвящены монографии Б.М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”», Т.М. Николаевой «“Слово о полку Игореве”. Поэтика и лингвистика текста», А.О. Шелемовой «“Слово о полку Игореве”. Поэтика пространства и времени» и «Поэтический космос “Слова о полку Игореве”».

Не менее важным представляется информационный обзор филологических исследований о «Слове о полку Игореве» в китайском литературоведении. До сих пор существуют официально два перевода древнерусского памятника на китайский язык. Первый был сделан Вэй Хуанну, опубликован в 1957 году, переиздан в 1983, 1991 и 2000 годах. Работа в основном основывается на переводе «Слова» с древнерусского языка Д. С. Лихачевым. К ней приложены иллюстрации, карты и родовые генеалогические таблицы, а также более 240 комментариев. Вэй Хуанну был первым исследователем, который осознанно и увлеченно начал изучать «Слово» в Китае. Он рассмотрел историческую ситуацию, сюжет и идейное содержание, художественную образность древнерусского памятника и опубликовал статьи: «Слово о полку Игореве» в Китае» (1985 г.), «Экскурсия по «Слову о полку Игореве»» (1987 г.), «Очерк по «Слову о полку Игореве»» (1993).

Автор другого переложения «Слова» на китайский язык – профессор Ли Сиинь. Его труд официально вышел в свет в 2003 году. Он представлен шестью разделами: предисловием, генеалогией князей, схематическим планом Игоревы похода, древнерусским текстом, переводом на китайский язык и комментариями к нему. В предисловии публикуемого текста излагается следующая информация: исторический фон, языковые особенности, стилевые черты, предположение об авторе, вопросы о сомнительных интерпретациях аутентичного текста в переводе.

Китайские литературоведы, занимающиеся изучением древнерусского памятника, не менее, чем российские слововеды, спорят и полемизируют по поводу «загадки» феномена «Слова о полку Игореве». Одна из дискуссионных проблем возникла вокруг приоритетной идеи «Слова»: является ли патриотическая идея главной в произведении или нет. В статьях «Спор о патриотической теме в «Слове о полку Игореве» Лю Сяоуэн, и «Слово о полку Игореве» – это патриотизм» Бо Цзунляна выражены противоположные точки зрения. Известный филолог Лу Цзю, вступив с ними в открытую дискуссию, в качестве аргумента перевел статью «Золотое слово русской литературы» Д.С. Лихачева, в которой рассмотрены альтернативные взгляды на проблему идейного содержания «Слова» советских и китайских ученых.

Помимо вопроса об идейном содержании «Слова» китайских филологов интересовали и другие проблемы, связанные с феноменом древнерусского памятника. Так Жэн Гуансюан опубликовал статью «Двойственные убеждения в «Слове о полку Игореве», проанализировав жанровое своеобразие древнего текста, и отметил «двоеверие», проявляемое в «Слове»: и христианство, и

язычество. Ли Юйцзюн и Ян Минмин опубликовали статью «Интерпретация текста «Слова о полку Игореве» и особенности его композиции», в которой основное внимание уделяется вопросу о синкретической жанровой природе памятника. В статье «Мудрые песни, загадочный поход – споры о «Слове о полку Игореве»» Чен Мэн обобщает дискуссионные проблемы в академических кругах вокруг уникального произведения древнерусской словесности: о времени создания, об авторстве, о миссии похода заглавного героя, о главной идее – патриотизме или экспансионизме. Исследовательница Ян Жун в работе «Культурное происхождение пространственно-временных картин в «Слове о полку Игореве»» исследует памятник, руководствуясь научными идеями М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Другая ее статья «Гуманистическая коннотация естественного пейзажа в «Слове о полку Игореве»» содержит анализ трех аспектов, актуальных в исследовании поэтики произведения: астрономических явлений, экологической картины Русской земли и эпических культурных коннотаций.

Актуальность темы диссертационной работы, таким образом, определяется, во-первых, литературным и научно-филологическим интересом к древнерусскому произведению в китайском литературоведении, который возникает в связи с сопоставлением переводов «Слова» на китайский язык, комментариями переводчиков, а также сравнительным анализом синхронных «Слову о полку Игореве» древнейших китайских народных и литературных произведений; во-вторых, недостаточной изученностью собственно мифопоэтики и, в частности, символической образности и художественной изобразительности «Слова о полку Игореве» в российской медиевистике.

Цель диссертации – исследовать мифопоэтическую символику «Слова о полку Игореве» в российском и китайском литературном и литературоведческом контексте.

Поставленная цель в соответствии с заявленной темой диссертации требует решения следующих задач:

– определить систему актуальных образно-мотивных комплексов, составляющих целостное художественное пространство «Слова»;

– проанализировать символику и художественную тропику в рамках анализа урбанистической топонимики, символики природного ареала и анималистической образности «Слова»;

– рассмотреть литературоведческий аспект взаимного восприятия российскими и китайскими учеными художественной образности «Слова» в основных научных трудах;

– проследить и отметить достоинства и художественные просчеты в переводах текста «Слова» на китайский язык, при этом принципиально объективно учитывать лингвистические различия двух далеких языков. Например, в китайском языке есть иероглифы 旗帜, означающие русские слова *флаг, знамя, стяг*, и 战旗 – *хоругвь*, поэтому китайские переводчики могли свободно использовать синонимические варианты для более близкого соответствия русскому тексту. А для названия хищных птиц *сокола* и *орла* в

китайском языке используется один иероглиф 鷹. Поэтому важные нюансы художественной функциональности каждой из этих пернатых особей нивелируются, что вызывает серьезные проблемы при переводе;

– дать развернутый анализ комментариев к «Слову» на китайский язык;

– провести сравнительное исследование идентичных образов и мотивов «Слова» и древнекитайских литературных и фольклорных произведений;

Объект исследования – древнерусский памятник «Слово о полку Игореве», а также произведения древней китайской литературы, интертекстуально сопоставимые со «Словом».

Предмет исследования – переводы «Слова о полку Игореве» на китайский язык и комментарии к ним китайских литературоведов, а также художественное взаимодействие мифотворчества Древней Руси и Древнего Китая на примере сравнительного анализа «Слова о полку Игореве» и древнекитайских литературных и фольклорных произведений.

Научная новизна. Диссертационная работа представляет собой первый опыт интерпретации художественной символики и тропики «Слова о полку Игореве» в китайском литературоведении (переводах, комментариях, литературоведческих трудах). Новизна также определяется литературным материалом, на котором тема исследуется: впервые поэтика «Слова о полку Игореве» анализируется в интертекстуальном сопоставлении с произведениями древней китайской литературы.

Методология исследования представляет собой системное единство функционального, культурно-исторического, сравнительно-типологического, структурно-семиотического, интертекстуального методов исследования.

Теоретическая значимость работы, обусловлена, во-первых, рассмотрением символической образности «Слова о полку Игореве» в русле теоретических разработок о хронотопе художественного произведения (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др.), во-вторых, актуализацией теоретической значимости сравнительного и интертекстуального анализа (сопоставлением поэтик разноэтнических древних книжных текстов, а также теорией и практикой перевода).

Практическая значимость диссертации определяется актуальностью темы и новизной исследования. Содержание и выводы работы могут оказаться плодотворными для дальнейшего научно-практического изучения интертекстуальных взаимосвязей литератур Древней Руси и Древнего Китая. Результаты диссертационного исследования уже нашли практическое применение на практических и семинарских занятиях по древнерусской литературе со студентами-стажерами из Китая в Российском университете дружбы народов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В мифопоэтическом образном комплексе «Слова о полку Игореве» рассматриваются три ключевых компонента: урбанистическая топонимика, естественно-природные явления и анималистический ареал.

2. Одним из оценочных критериев литературной ценности «Слова» является своеобразная, отличающая его от иных произведений древнерусской книжности периода раннего средневековья, художественная изобразительность, определяемая интенсивной полисемией и всеобъемлющей символикой.

3. Хронотоп «Слова» выстроен по схеме моноцентрической модели. Киев выполняет роль организующего центра сюжетных событий и как реальный топоним – собственно столичный город Руси, и как универсальный символ родного пространства, тем самым субъективно приобретая статус художественной гиперболы. Китайские переводчики неоднозначно трактовали тотальную идеализацию Киева как центра Русской земли, но в подавляющем большинстве контекстов, где фигурирует топоним, стремились соответствовать оригинальному тексту.

4. В мифопоэтике «Слова» доминирует солярная тема. Конфликт «света-тьмы» воплощает противостояние миров-антиподов – Русской земли и Половецкой степи. Феномен солярной символики «Слова», в целом, и художественные ассоциации князей с солнцами, в частности, обусловлено сильным метафорическим резонансом, связанным с культом солнца в языческой Руси. В классической китайской литературе солярная символика также весьма представительна и многозначна, и образ солнца приобретает даже более широкие символические ассоциации, чем в «Слове о полку Игореве».

5. Многоуровневая символика «Слова» воплощена в целостном поэтическом образе природного мира. Природа – активно действующая сила, она событийно реагирует на поступки героев. Реакция природы воплощена в описании грозы и сопутствующих ей олицетворенных явлений: грома, молний, ветра, дождя.

6. Степной иномир в художественном пространстве «Слова» представлен символической аллегорией «гибельной неизвестности» (Д.С. Лихачев). Мотивный комплекс «водной стихии» объединяет три художественных образа: реки, моря и природных катаклизмов (разлива, затопления, обмеления, заболачивания, осушения).

7. В художественный мир «Слова» включены различные варианты символического функционирования многочисленных представителей фауны. Звери и птицы выступают как в качестве реально-физических участников событий, так и в символично-метафорических трансформациях, иллюстрирующих антиномию света-тьмы. В древних китайских произведениях живые существа из мира фауны также функционально задействованы как символические корреляты положительных и отрицательных литературных персонажей.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования представлены в докладах на следующих научных конференциях:

1. «Слово о полку Игореве» в исследованиях китайских литературоведов // VI международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире». Калининград. Май, 2018.

2. Переводы «Слова о полку Игореве» на китайский язык // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного литературоведения». Москва. РУДН. Апрель, 2018 г.

3. «Черные тучи с моря идут...»: метафора грозы в «Слове о полку Игореве» // VIII Международная научно-теоретическая конференция «Проблемы поэтики и стиховедения». К 90-летию КазНПУ имени Абая. Казахстан: Алматы. Май, 2018.

4. Символика водной стихии: гидронимы в «Слове о полку Игореве» и их интерпретация в китайских переводах // X Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль. Октябрь, 2018 г.

5. Мифологема Солнце в «Слове о полку Игореве» и китайском эпосе // XLVIII Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербург. Март, 2019 г.

6. Зрелость как художественно-этическая категория в «Слове о полку Игореве» // Международная конференция «Зрелость как сюжет». Тверь. Апрель, 2019 г.

7. Киев как художественный топоним в «Слове о полку Игореве» и переводах на китайский язык // Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: литературная рецептивная эстетика». Москва. РУДН. Октябрь, 2019 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, членимых на параграфы, заключения и списка использованной литературы. Полный объем исследования 168 страниц, в списке использованной литературы 192 наименования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определена актуальность и научная новизна работы, сформулированы цель и основные задачи исследования, обозначены теоретический и методологический аспекты литературоведческого анализа.

Первая глава работы – **«Урбанистический топос в «Слове о полку Игореве» и исследованиях китайских филологов»** посвящена целостному анализу урбанистического мотивного комплекса как одного из составных компонентов центрально-периферийной модели древнерусского художественного произведения.

В параграфе 1.1. «Киев в «Слове о полку Игореве: реальность и миф» стольный город Древней Руси рассматривается как символический центр, который является универсальной, абсолютной точкой отсчета пространственной организации произведения и определяет структуру хронотопа. Относительно Киева-центра формируется и сюжетно-событийное, и внесюжетно-философское, и художественно-эстетическое пространство произведения. Впервые Киев назван в зачине, где автор идеализирует историческое время «дѣдней» ратной славы: «Чи ли въспѣти было, въщей

Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржутъ за Сулою – звенить слава въ Киевѣ!»). По замыслу автора, изначально славу Киеву воздает исторический персонаж Боян. Вэй Хуанну прокомментировал свой перевод данного текста следующим образом: «Это творческий подход автора «Слова», вложившего в уста Бояна призыв к победам русской армии. Река Сула, приток на левом берегу Днепра, является границей с Половецкой степью, ближайшей к Киеву и самой опасной для Киева. Западная сторона реки принадлежала Руси, а другая – половцам. Половецкая армия – это кавалерия, и «кони ржут» означает, что они приближаются к Руси». По мнению диссертанта, перевод и комментарий к нему Вэй Хуанну не соответствуют семантике и поэтике этого фрагмента из «Слова». Китайский автор не учел некоторых существенных особенностей художественной структуры «Слова» как центрально-периферийной системы. Выражение «Кони ржут за Сулою» не может обозначать наступление половцев на Русь. Анализируемый фрагмент является как раз наглядной иллюстрацией специфики архаического хронотопа, когда русские войска побеждают вражеские полки на территории периферии («за Сулою»), добывая «славу» Киеву, то есть, главному символу центра родной земли.

Далее в параграфе анализируются фрагменты из «Слова», где Киев обозначен как реальный топоним, исполняющий определенные художественные функции, а также переводы этих эпизодов и комментарии к ним китайских филологов.

В параграфе 1.2. «Киев как художественный топоним: метафора и парафраза» главный город характеризуется в аллегорических образах «отчего золотого стола», «любой девицы» и в мифологизированных символах горы, «златоверхого» княжеского терема, храма святой Софии.

Мифологема *гора* в прямой связи с Киевом-центром фигурирует в эпизоде, где великий князь Святослав видит «мутень сон» – именно «въ Киевѣ на горахъ». Златоверхий терем и храм являются отображением высшей государственной или духовной ценности сакрального центра родного пространства. Переводчики «Слова» на китайский язык внимательно и бережно соотнесли традицию культа сакрального центра в двух разных культурах – древнерусской и древнекитайской, поскольку в древнем Китае дворцы императоров также строили на высотах, символизируя верховенство власти. Образ *горы* как символично-метафорического аналога верховной власти был весьма популярен в древних китайских произведениях. Так, Ван Вэй, известный поэт династии Тан, описал величие горного Дворца Даминь в поэме «С Шэжэнь Цзя на утренней аудиенции у императора в Дворце Даминь»: «В императорском дворце открылись золотые ворота, посольства из тысяч стран кладут поклоны императору».

Художественный троп *люба девица* большинство российских исследователей интерпретируют однозначно: это стольный город Киев, владеть которым мечтал удельный полоцкий князь Всеслав. Вэй Хуанну перевел троп дословно и пояснил в комментарии, что «девица» – это Киев. С ним солидарен и Ли Сиинь. Он при этом отметил, что в народной литературе Руси «захватить

город» – иносказание, подразумевающее «братъ девицу в жены». Китайские ученые единодушно согласились с лексической и семантической интерпретацией образа «любой девицы» как города – символической «невесты», покорить который жаждет захватчик – «нежеланный жених». Однако нами не обнаружено использование тропа с амбивалентной семантикой, по выражению Ли Сииня, в «народной литературе», то есть, русском народном творчестве. Российские исследователи ссылаются не на фольклорную, а на книжную традицию. Метафора «город-дева» использовалась в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. В древних китайских текстах мы не обнаружили символической интерпретации аналога «города-девы», как в «Слове». Тем не менее, в исторических материалах есть записи о приобретении городов или территорий посредством женитьбы: в древнекитайской культуре это обозначено как «завязывание дружбы при помощи брака».

Параграф 1.3. «Великий князь Святослав – персонажный символ Киева» посвящен характеристике образа князя Святослава Всеволодовича. Сведения о нем как о государственном деятеле в монументальных исследованиях российских историков (Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева) весьма противоречивы: особыми заслугами он не отмечен, называется одним из самых «слабых» киевских князей. По государственному соглашению на Руси в последней четверти XII в. сложился политический дуумвират – власть соправителей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича: первый сел в Киеве, а второй владел Киевской землей. Автор же «Слова» вопреки исторической правде изображал Святослава в гиперболизированном и сакрально-идеализированном ореоле славы владыки всей Русской земли.

Политическое возвеличение великого князя Святослава обусловлено пропагандой идейно-этического кодекса актуальной для автора «Слова о полку Игореве» иерархической доктрины сюзеренитета-вассалитета, согласно которой утверждался принцип единоначалия и подчинения удельных (вассальных) князей великому князю (сюзерену). Феодално-иерархическая дистанция между великим князем и удельными князьями намеренно соблюдена в «Слове». Именно поэтому антиномию «мудрый князь – действующий князь» автор включает в контекст оппозиции «центр – периферия», тем самым сакрализируя образ великого князя киевского и возводя его в персонажный символ центра.

Китайские литераторы явно использовали труды российских ученых о личности и политической деятельности Святослава. Так, Вэй Хуанну особо отмечал, что автор «Слова» изобразил Киев центром Русской земли, а великого князя киевского лидером всех удельных князей. По его мнению, автор «искренно призывает их быть верными великому князю, считая это важным условием устранения феодальных распрей и сохранения единства Руси. Таким образом, автор даже идеализировал образ Святослава. На самом деле, Святослав был одним из самых слабых князей в истории Руси, который имел владычество только над городом Киевом, а в остальных городах господствовали другие князья». Ли Сиинь сопроводил свой перевод

примечаниями: «Грозный великий киевский князь – это Святослав (1176 - 1194 гг.). В этот период Киев приходил в упадок, а возвеличился новый центр на севере – Владимиро-Суздальское княжество. Так что, на самом деле, князь Святослав не почитался владыкой всей Руси. Рассматривая же Киев как центр страны, автор предоставил ему почтительную роль государственного вождя».

Параграф 1.4. «Киев-центр – периферийная топонимика» дополняет анализ урбанистической структуры хронотопа как центрально-периферийной системы.

Вокруг Киева-центра в «Слове о полку Игореве» простирается Русская земля, представляющая собой совокупность территорий, которыми владеют удельные князья. Периферийный топонимический ареал насыщен наименованиями многочисленных городов, каждый из которых является реальным физическим топонимом, однако ни один из них в художественном пространстве «Слова» не лишен условно-символического подтекста. В перечень урбанистической периферии включены города: Новгород (Северский), Путивль, Курск, Чернигов, Полоцк, Белгород, Переяславль, Сурож, Корсунь, Римов, Плесенск. Региональной территорией, неоднократно упомянутой в «Слове», является Тмуторокань – топоним, который возможно обозначить или как название собственно города, или как географическую область, соотнесенную с современной Таманью. В комментариях о четырежды опоэтизированном в «Слове» загадочном топониме китайские ученые предпочли сослаться на частные мнения российских слововедов В.Ф. Ржиги, В.И. Стеллецкого и некоторых других, предлагавших рассматривать Тмутораконь как реальную территорию, которую стремились отвоевать князья-Святославичи. Но при этом отдадим должное Ли Сииню, усмотревшему во фразе «добыть города Тмутороканя» иносказание, синонимичное устойчивому этикетному выражению «испытать шеломом Дону» – то есть, победить, одолеть врага. Он в комментарии отметил, что выражение «поискати Тьмуторокани» в то время было фразеологическим и имело то же значение, что «надежда на заслугу в битве», то есть, победу.

Одним из важных и по частотности неоднократно названным в тексте является город Путивль. В «плаче» Ярославны Путивль выполняет сугубо художественную функцию, и его трехкратное повторение в сочетании с «эпическим» Дунаем воспринимается как триединая пространственная лексема в анафорическом ряду параллельных синтаксических конструкций, художественно воплощенных автором в гениальном монологе героини. Ли Сиинь в пояснении топонима Путивль ссылался на различные мнения двух российских слововедов – В.И. Стеллецкого и Н.В. Шарлеманя. По В.И. Стеллецкому, как писал китайский филолог, «Ярославна в то время жила во внутреннем дворе города Новгорода-Северского. Путивль находился на юге. Автор памятника, возможно, путивлянин, и воспевает любовь к городу». По Н. В. Шарлеманю, «здесь подразумевается Путивль, находившийся на берегу Сейма, пригорода Новгорода-Северского, ныне Путиск».

Во фразе «Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивле» топоним не случайно упоминается в связке с Новгородом-Северским. Оба города были владениями потомков Олега Святославича: первый – его внука Игоря, заглавного героя «Слова», второй – сына Игоря от первого брака Владимира, о чем засвидетельствовано в летописи. И в «Слове», и в Ипатьевской летописи топонимы выполняют аналогичную функцию – географических указателей исходных пунктов начала пути в Половецкую степь. К этим городам в следующем эпизоде логично примыкает Курск как место отправления в поход дружины Всеволода Святославича. В летописи локализация этих и других городов, где «собирался» полк Игоря, описана соответственно реальному передвижению войска: Игорь отправился в поход из Новгорода-Северского на Донец через Путивль, присоединив отряд Владимира, Всеволод – из Трубчевска через Курск, соединившись с племянником Олегом Рылским. В отличие от летописного сюжета, в «Слове» топонимы выполняют прежде всего художественные символично-метафорические и аллегорические функции и не всегда реализуются в конкретных географических терминах. Реальные города Путивль, Новгород-Северский, Курск, из которых начинался путь княжеских дружин в степь, включены в поэтический контекст, и то, что из них выходят в поход русские витязи, мы понимаем по символической характеристике состояния готовности воинов к походу. «Трубы трубятъ», «стоять стязи», куряне – «подъ трубами повити», «подъ шеломы възлелѣяны», «конецъ копия въскорѣмлени» и пр. – есть не что иное, как символично-метафорические характеристики состояния и готовности княжеских дружин к походу. То есть, в летописном сюжете урбанистическая периферия ограничена объектами с конкретно номинированной локализацией, а в «Слове» географические реалии трансформируются в поэтические символы.

В параграфе 1.5. «Персонажные образы топонимической периферии» акцентируется внимание на идейно-художественной значимости образов вассальных князей в «Слове о полку Игореве».

Во времена феодальной раздробленности, активизации междоусобных войн немаловажное значение приобретала пропаганда идеи, утвержденной на Любечском съезде еще в 1097 г.: каждый князь владеет своей вотчиной. Отголосок этой идеи прозвучал в «золотом слове» Святослава, который из Киева «на горах» обращается с лозунгом-воззванием «за землю Рускую, за раны Игоревы» к 10-ти удельным князьям: Всеволоду, Рюрику, Давыду, Ярославу, Роману, Мстиславу, Ингварю, и «трем Мстиславичам». Главные фигуранты в этом перечне – князь Рюрик, который в политической ситуации дуумвирата владел Киевской землей, и князья, ведущие независимую от Киева политику, – Всеволод Владимиро-Суздальский и Ярослав Галицкий. Формально в узаконенной Любечским съездом государственной системе сюзеренитета-вассалитета они на иерархической лестнице власти занимали подчиненные ступени, фактически же были политически авторитетнее, чем киевский князь.

Всеволод Юрьевич получил в эпизоде обращения к князьям приоритетное – первое – место и поистине панегирическое прославление, что практически

дословно отобразил в переводе на китайский язык Вэй Хуанну, а в комментариях предоставил подробные сведения о центральном персонаже эпизода: «Князь Владимиро-Суздальской земли – Всеволод Юрьевич (1154-1212), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. Поскольку он был главой большой семьи, то получил прозвище «Большое гнездо». Далее китайский ученый подробно описал перипетии похода Суздальского князя на волжских болгар – ситуацию, которая в «Слове» гениально передана этикетным иносказанием «Волгу веслы раскропити, а Донь шеломы выльяти». Не менее колоритно в «Слове о полку Игореве» выписан образ Ярослава Владимировича, князя Галицкого, который изображен как могучий властитель, «замкнувший» свои территориальные владения от всяких агрессивных посягательств. Вэй Хуанну в комментарии к своему переводу дал такое пояснение: «...Даже Киев капитулировал перед Ярославом... «Отворяеши...врата» – то есть захватываешь город. Это относится к захвату Киева Ярославом в 1156 году. Автор подчеркивает, что галицкая мощь сильнее киевской».

Вторая глава работы – **«Природный ареал в «Слове о полку Игореве» и китайском художественном и литературоведческом контексте»**. В обозначенном предметном поле проанализированы символические образы и ассоциации из мира природы, воплощенные в художественных текстах двух древних литератур.

Содержание *параграфа 2.1. «Мифологема солнце в «Слове о полку Игореве» и китайском эпосе»* составляет разноплановое исследование солярной символики и тропики: культ солнца в славянской языческой мифологии, его отображение в «Слове», анализ образа солнца в древнем китайском эпосе, изучение мотивного солярного комплекса в древнерусском тексте китайскими литературоведами.

Солнечными символами в древнерусском памятнике предстают языческие божества Дажьбог и Хорс. Обозначение русичей «Дажьбожими внуками» в диссертационной работе рассматривается как художественный троп, поэтическое иносказание. «Внуки», потомки «солнечного» бога, одаривающего их богатством и плодородием, разожгли междоусобную войну, которая распространилась по всей Русской земле, став причиной ее «погибели». Упоминание языческого солнечного бога Хорса включено в «Слове» в эпизод о сверхъестественных перемещениях Всеслава Полоцкого, когда он «в ночь... великому Хр̑сови путь прерыскаше». Всеслав неоднозначно представлен в памятниках древнерусской литературы, прежде всего, в «Слове о полку Игореве», а также в «Повести временных лет». Он опоэтизирован и в былинах под именем Вольха Всеславича. Всеслав получил в исторической памяти прозвище «Чародей», поэтому он вполне мог соперничать с солнечным богом Хорсом и «переступить» ему путь.

Мифологема *солнце* не менее ярко, чем в древнерусском памятнике, воплощена и в китайском эпосе. Самой известной из солнечных персонификаций в древнекитайской мифологии является богиня Си-хэ. Также император Янь – один из двух самых ранних предков китайской нации –

предстает богом солнца. «Янь» (炎) составляется из двух одних и тех же иероглифов «Огонь» (火+火), он символизирует солнечный свет. Янь внес огромный вклад в развитие китайской государственности. Его политическая и духовная деятельность способствовала процветанию китайской нации и позволила достичь высочайшей степени единства.

На Руси традиция уподобления верховного владыки солнечному божееству не получила столь широкого распространения, как в Китае. В древнерусской мифологии только князь Владимир Святославич опозитизирован как Красно Солнышко. В «Слове» о полку Игореве великий князь Святослав – глава государства – ни разу не сравнивался с солнечными богами. Солярные ассоциации соотносятся с образами вассальных князей, отправившихся в поход на Половецкую степь. Обращение к аллегории князя-солнца обусловлено не политической, а художественной задачей, которая реализуется в «Слове» через сквозной мотив затмения, где солнце и свет символизируют Русь и русских князей, волей-неволей устремляющихся защитить отечество от посягательств иноземных кочевников. Поэтому даже проигравшие битву половцам русские князья сравниваются с *солнцами*.

Далее в параграфе доказывается, что в классической китайской литературе образ *солнца* приобретает более широкие символические ассоциации, чем в древнерусской: во-первых, это императорская власть, политическое влияние и могущество страны, во-вторых, семейный уют и тепло, в-третьих, расставание и преходящесть всего земного. *Солнце* является одним из самых любимых и популярных образов, использованных в народной и книжной культуре древнего Китая, а в формировании солнечного образа и многозначности его смыслов отражается духовный менталитет китайской нации.

В параграфе 2.2. «Символика водной стихии: гидронимы в «Слове о полку Игореве» и переводах на китайский язык» рассматривается мотивный комплекс, объединяющий три художественных образа: реки, моря и природного катаклизма (разлива, затопления, обмеления, заболачивания, осушения). Эти образы исследуются по оригинальному тексту и его переводам на китайский язык.

Река в географическом пространстве «Слова» – семантически многозначный гидроним. Главным символом Русской земли представлен Днепр, Половецкой – Дон. К Дону можно присовокупить Волгу, но если Волга названа лишь в двух эпизодах, то Дон – в четырнадцати, то есть явно получает количественное преобладание. В тексте «Слова» выявлены пять семантически значимых вариантов художественного функционирования гидронима Дон как в реально-географических, так и символично-метафорических воплощениях.

Наиболее емкий символ-гидроним – *море* (по меткому выражению Д.С. Лихачева, «аллегория губельной неизвестности»). Сравнение половецкой территории с морем – бесспорная творческая удача безымянного автора, использовавшего выразительный, ассоциативно-насыщенный символ, позволивший через размытые очертания моря передать образ стихийно-

неорганизованного враждебного пространства. Китайские переводчики пронизательно отметили изобразительное значение и «речной» и, еще в большей мере, «морской» символики «Слова», включив «море» в мотивный комплекс символов-гидронимов. В переводах и Вэй Хуанну, и Ли Сииня описание пленения русских князей ассоциируется с их погружением в море. Также в «плаче» горюющей о муже Ярославны его заточение воспринимается как «заморское», то есть, чужеземное, и в описании побега Игоря из плена подтверждается символический статус гидронима. Наконец, в эпизоде возвращения Игоря из плена, выражая беспредельную радость, девичьи голоса «вьются через море» до Киева, где опять же «море» – далекая половецкая земля. В обоих переводах существенно важно то, что китайские ученые воспринимают «море» как метафору беспредельного враждебного пространства.

Параграф 2.3. «Метеорологическая символика в «Слове о полку Игореве» и древних китайских текстах» посвящен анализу собирательного образа олицетворенной природы, который включает в себя символы метеорологического кода.

Среди метеорологических образов в «Слове о полку Игореве» первостепенным является *гроза*. В тексте упоминаются все сопутствующие этой природной стихии явления: ветер, гром, молния, дождь, вихрь. Сосредоточение перечисленных природных примет прослеживается, прежде всего, в символическом описании кануна рокового сражения: нагнетается «грозовая» ситуация, когда стихии предсказывают кровавую битву Игорева полка с половцами: «... Чръняя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыть 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мълнии. Быти грому великому, иди дождю стрѣлами с Дону Великаго». В эпизоде лексически фрагментарно обозначенными, но художественно приоритетными символами предстают 4 солнца – русские князья, выступившие в поход на Половецкую степь. Но не менее художественно значимым является воспроизведение неистового возмущения природных стихий, направленность которых во всех случаях одна – и тучи, и ветры, и молнии распространяют свои стихийные силы от моря или от Дона, то есть от половецкой степи к русской земле. Лексема *гроза* как собственно метеорологическое явление в анализируемом фрагменте напрямую не называется. Образ стихии создается посредством перифрастического описания сопровождающих ее в природе явлений. Лексема *гроза* впервые употребляется в значении символа надвигающейся катастрофы в эпизоде начала похода, когда Игорю «солнце ... тьмою путь заступаше, ночь стонуци ... *грозою* птичь убуди»; второй раз – в колоритном природно-аниматопозитическом пейзаже, описывающем общую драматическую атмосферу перехода границы и вступления полка Игорева в «землю незнаему». Символика стихии в этих эпизодах содержит комбинацию двух смыслов: *гроза* – это и реально взбунтовавшаяся природа, предвещающая **беду**, и *угроза* грядущего катастрофического **бедствия** для всей Русской земли, которая погрязла в междоусобных разборках и сепаратных амбициях вассальных князей. Игорь

Новгород-Северский и был таким князем, «нечестно кровь» пролившим и погубившим доблестную и преданную ему дружину.

В древней китайской литературе черные тучи, гром и молния, сильный дождь также часто использовались как эмблемы вражеских нашествий или трагических поражений, то есть, в качестве предвестников беды. Особенно ярко черные тучи представлены у Ли Хэ, знаменитого поэта династии Тан: «Темные тучи, нависающие над городом, угрожают разрушить его». Вражеские солдаты накатывают, как черные тучи, пытаются разрушить городские стены. В этих стихах создана напряженная атмосфера ожидания приближения врагов, предвещающая опасность для жителей города. Другим примером служит стихотворение Сюй Хуня, поэта той же эпохи, «Дом на востоке города Сяньян»: «Как тучи поднялись над ручьем, солнце зашло за теремом. Надвигается ливень в горах, весь дом пронизан ветром». *Тучи, ливень, ветер, молния* – все эти метеорологические приметы *грозы* в китайских классических произведениях, описывающих войну, являются зловещими признаками. То есть метеорологические явления, сопутствующие *грозе*, используются и в «Слове о полку Игореве», и в древних китайских произведениях как метафоры бунтующей природы, накликающей беду на родную землю, и, в более широком смысле, как художественный символ угрозы-бедствия для родной земли.

В третьей главе «**Художественная анималистика в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе**», посвященной исследованию живого мира природы, определяются четыре варианта творческого использования естественных примет и повадок особей природного ареала, которые рассматриваются как: 1) реально функционирующие в природе животные; 2) звери и птицы в художественно-изобразительной символике и тропике; 3) звери и птицы – образные персонификации; 4) звери, воплощающие мотив оборотничества. Из множества художественных образов мира фауны диссертант остановился на анализе представителей зоологического ареала – коней и волков, и орнитологического – соколов, воронов, соловьев, галок.

В параграфе 3.1. «**Кони в «Слове о полку Игореве» и китайском литературном и литературоведческом контексте**» характеризуются единственные в «Слове» реальные представители зоофауны – боевые кони («комони»). Неотъемлемый субъект батального дискурса – «бръзь комонь» – выступает сугубо в роли соратника воина-всадника. Даже в насыщенном поэтической тропикой эпизоде побега, когда Игорь перевоплощается в разные особи природного мира – горностаю, гоголя, волка, сокола, только конь лишен художественной экспрессии.

В древней китайской литературе образ коня более популярен и используется в единстве его реально-конкретной и символической изобразительности. Помимо боевых коней, которые воспеваются не менее ярко, чем их героические хозяева – воины-всадники, эти благородные представители фауны включены и в иной тематический контекст, обозначенный семантической амбивалентностью: конь – талантливый, ценный для общества, но не признанный и опальный человек. В китайской литературе символично-

метафорическим воплощением такой личности был «конь на 1000 ли», или Ци Джи. В древнерусской словесности самовыражение подобной личности реализовалось в другом «Слове», не менее гениальном, чем рассказ об Игоровом походе. Это «Слово Даниила Заточника», созданное на рубеже XII-XIII вв. Повествование в этом произведении ведется от лица изгоя, некоего без «роду и племени» простолюдина, то есть незнатного, но образованного, интеллигентного и амбициозного человека, стремящегося сделать служебную карьеру, заслуженно претендуя на должность, приносящую пользу и великому князю, и государству.

Параграф 3.2. – **«Волки в «Слове о полку Игореве» и древнекитайской анималистической традиции».** В «Слове» волк доминирует среди всех представителей зоофауны. Воплощение человека в образе животного – один из репрезентативных приемов изобразительной тропики «Слова». С волками символически ассоциируются Боян, князь Игорь, дружина Всеволода («куряне»), князь Всеслав Полоцкий, Гзак, Овлур. Образ волка в «Слове» семантически и символически многозначен. Во-первых, он – главный фигурант в группе анималистических тропов – сравнений, метафор, метонимий, олицетворений. Во-вторых, образ волка включен в символику оппозиции «русские-половцы», выявляя амбивалентную оценку физических качеств и пространственных перемещений противостоящих ратных сил. Наконец, в-третьих, волк актуализирует мотив оборотничества. Функционально волк в «Слове» положительный образ. В древнекитайских же произведениях наблюдается альтернативная интерпретация. Изначально волк в китайских мифах изображен в обликах героя или Бога. Предания о волках-помощниках, поддерживающих воинов во время боя, находим в древнем уйгурском эпосе. В «Легенде о Хане Угус» волк «направлял по правильному пути», то есть давал тактические советы Хану Угусу, чтобы полководец смог привести свое войско к победе. В последующие времена мифологические воззрения на волка переключились с героического на бытовое восприятие естественного поведения и повадок серого хищника, поскольку сместились жизненные приоритеты в сторону мирной цивилизации. Культ скотоводческого труда привел к появлению отрицательных эмоций по отношению к волкам, которых невозможно было одомашнить и которые стали опасными для человека и скота. Начиная с династии Тан (618-907 гг.) положительная оценка волка в основном исчезла, и в художественном осознании его образа стали доминировать жестокость, жадность, безжалостность и беспощадность природы хищника.

В *параграфе 3.3.* исследуется **«Художественная орнитология в сравнительном анализе «Слова о полку Игореве» и древнекитайских произведений».** В «Слове» упоминается тринадцать наименований птиц. Каждая особь пернатого мира выполняет определенное предназначение в художественном описании батального противостояния Игоровой дружины и половецкого войска. Поэтому орнитологический ареал однозначно разделен на птиц своего мира (света) и чужого пространства (тьмы). Рассмотрение древнекитайских текстов, представленных разными жанрами, среди которых

мифы, легенды, стихотворения, поэмы, показал, что в китайской литературе, как и древнерусской, основная птица «света» – это сокол.

В «Слове о полку Игореве» уже с самого зачина образ сокола приобретает весомую художественную функцию: «Боян пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй». Ли Сиинь, комментируя зачин, дал такое пояснение: «В древности была очень популярна соколиная охота. Во дворе каждого князя выращивали несколько соколов. Между тем, их нумеровали подобно песням. Пустив во время охоты соколов к добыче, наблюдали, какому из них удалось отличиться первому, а далее – в порядке очередности. И тогда музыкант играл песню соответственно обозначенному номеру (вылета птицы – В.Ю.). Часто встречается в русской народной литературе уподобление соколиной охоты музыкальному исполнению». Далее на протяжении всего текста «Слова» сокол возглавляет самую представительную группу орнитологического мира фауны, в которую включены художественные трансформации, выполняющие изобразительную функцию воплощения образа человека в образе птицы. В параграфе проанализированы самые значимые эпизоды, отмеченные соколиной символикой.

Орнитологическим антагонистом соколу в «Слове» представлен ворон – птица тьмы. В китайской древнейшей культуре ворон имел особый статус среди пернатых образов: в глубокой древности он ассоциировался с солнечной птицей. Но в более поздний культурный период ворон приобретает иной символический образный статус: как и в древнерусских фольклорных и книжных произведениях он начинает изображаться ночной птицей «тьмы» и «беды».

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Результаты работы отражены в публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень **WOS и ВАК:**

1. **Ван Юй.** Мифологема Солнце в «Слове о полку Игореве» и китайском эпосе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 6 (2020). Москва. С.173-179. (WOS, ВАК)
2. **Ван Юй.** Образ волка в художественной анималистике «Слова о полку Игореве» и древней китайской литературе // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 24, № 3 (2019). Москва. С. 424-432. (ВАК)
3. **Ван Юй.** Киев как художественный топоним в «Слове о полку Игореве» и переводах на китайский язык // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 24, № 4 (2019). Москва. С. 713-720. (ВАК)
4. **Ван Юй.** Кони в «Слове о полку Игореве» и китайском литературном контексте // Вестник Марийского государственного университета. № 1 (2021). Йошкар-Ола. С. 72-78. (ВАК)

Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. **Ван Юй.** «Слово о полку Игореве» в исследованиях китайских литературоведов // Сборник материалов VI международной научно-

практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире». Калининград. 2018. С. 215-217.

6. А.О. Шелемова, **Ван Юй**. «Черные тучи с моря идут...»: метафора грозы в «Слове о полку Игореве» // Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции «Проблемы поэтики и стиховедения», посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая. Казахстан: Алматы. 2018. С.170-172.

7. А.О. Шелемова, **Ван Юй**. Зрелость как художественно-этическая категория в «Слове о полку Игореве» // Научное издание: Зрелость как сюжет. Тверь. 2019. С. 177-183.

8. **Yu Wang**, Antonina Shelemova. Hydronyms in The Song of Igor's Campaign and the Chinese Translations // 2019 International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019). Китай: Ниньбо. С. 45-48.

Ван Юй (Китай)

Символическая образность «Слова о полку Игореве» и ее интерпретация в китайском литературоведении

Диссертация посвящена исследованию мифопоэтической символики «Слова о полку Игореве» в российском и китайском литературном и литературоведческом контексте. В работе определяется система образно-мотивных комплексов, составляющих целостное художественное пространство «Слова», рассматриваются символика и художественная тропика в рамках анализа урбанистической топонимики, природного и анималистического ареала. Впервые представлен развернутый анализ комментариев к «Слову» на китайский язык и проведено сравнительное исследование идентичных образов и мотивов «Слова» и древнекитайских литературных и фольклорных произведений.

Wang Yu (China)

The symbolic imagery of “The Song of Igor’s Campaign” and its interpretation in Chinese literary criticism

The dissertation is devoted to the study of the mythopoetic symbolism “The Song of Igor’s Campaign” in the Russian and Chinese literary context and context of litterateurs. The work defines a system of figurative and motivational complexes that make up the integral art space of “The Song”, considers symbolism and the artistic tropic as part of an analysis of urban toponymy, natural and animalistic range. For the first time, a detailed analysis of the comments on “The Song” in Chinese is presented and a comparative study of the identical images and motives of “The Song” and ancient Chinese literary and folklore works is carried out.